

18+

Лариса Джейкман

Майна
старого
наследства

Лариса Джейкман

Тайна старого наследства

«Издательские решения»

Джейкман Л.

Тайна старого наследства / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517084-2

История, описанная в этой книге, не оставит равнодушными любителей чисто английских преступлений, коварных интриг, любовных перипетий. Тайна прошлого, хранящая в себе жестокое нераскрытое убийство, заставляет героев книги пережить то, что происходило в те далекие времена. События столетней давности вдруг врываются в жизнь благополучных английских семей, вовлекая героев в очень сложную жизненную драму. Их старинное наследство оказалось весьма коварным благодаря страшному и таинственному прошлому.

ISBN 978-5-00-517084-2

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Без срока давности	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тайна старого наследства

Лариса Джейкман

© Лариса Джейкман, 2020

ISBN 978-5-0051-7084-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Без срока давности

Глава 1

Это необычное лето одна тысяча девятсот десятого года запомнится жителям английского южного городка надолго. Стоял золотой август, он почти по-осеннему шелестел листьями деревьев, в которых ясно слышался шорох порхающих птиц. В небольшом пансионате, принадлежащем семье Олдридж, заканчивался первый сезон.

Весь год, до самого мая месяца, они вели ремонт в небольших коттеджах, соединенных между собой узкими деревянными проходами. И к открытию сезона пансионат семьи Олдридж выглядел очень уютным, ухоженным и был полностью готов к приему дорогих гостей.

Все домики пансионата были проданы заранее, причем самым богатым господам их небольшого городка. Обстановку в коттеджах хозяева тоже подбирали с учетом вкусов каждой отдельной семьи.

Например, мистер и миссис Эддингтон любили тишину и покой, поэтому их коттедж располагался в самом конце аллеи и обставлен был довольно скромно. Они не любили роскошь.

Мистер и миссис Брукс наоборот, не любили уединения, предпочитая шумные, веселые компании. И прелестная миссис Брукс была так молода, что обстановка их коттеджа, расположенного в самом центре, была выдержана в стиле модерн.

Миссис Моррисон, одинокая богатая вдова, известная своим непростым характером, предпочла коттедж с просторной залой, в которой должен был располагаться рояль. Она музицировала, была известной пианисткой и часто приглашала к себе на вечера знатных господ, любителей музыки. Этому же правилу она пожелала придерживаться и здесь, в пансионате, приглашая всех к себе по четвергам.

Ну и наконец, мистер и миссис Флетчер, адвокат и его очаровательная супруга, которая свела с ума не одного молодого человека как в их городке, так и в Лондоне, куда они часто выезжали на различные приемы. Их коттедж был очень близко к морю, оно просматривалось через большие арочные окна, и молодая миссис Флетчер была в восторге от вида из окна своей спальни.

Еще два домика, совсем небольших, принадлежали прислуге. В одном проживала обслуга пансионата семьи Олдридж, а в другом служанки их гостей, которые в основном проводили все свое время ухаживая за господами, а на ночь отправлялись спать в отдельный домик, если только господа не нуждались в них.

Все эти люди, конечно же, хорошо знали друг друга. Более того, они были очень близки, и не было никаких сомнений, что время этим знойным летом, которое уже подходило к концу, они проводили хорошо и интересно, хотя и были нюансы, на которые стоило бы обратить внимание.

Из этих нюансов, собственно, и сложилась вся эта история, которая так и осталась бы незамеченной в суете обычных будней, если бы не имела столь печального, если не сказать трагического, конца.

Итак, все по порядку.

Первый месяц проживания в пансионате прошел довольно спокойно, если не считать капризов и постоянного недовольства миссис Эддингтон. Она была беременна и приехала в пансионат с большой неохотой. Муж намеренно вывез ее к морю, чтобы она отдохнула от городской жары и суеты и насладились бы свежим воздухом, солнцем и полноценным отдыхом.

Элиза Эддингтон

Но Элиза Эддингтон, тридцати восьми лет от роду, переносила свою беременность не очень хорошо. Сказывался и возраст, и нервы, и самочувствие. Выглядела она неплохо, но была тяжела на подъем, а соседи ее раздражали. Скорее всего потому, что все остальные женщины всегда были свежи, нарядны, веселы и беспечны. Особенно, конечно, двадцатилетняя Юджин Брукс и Джанет Флетчер, которая была старше Юджин всего лишь на пять лет.

Эдна Моррисон была не в счет. Эта унылая вдова ходила всегда в черном, даже в самую жаркую погоду, а вместо шляп носила черную кружевную накидку. Выглядело это некрасиво и старомодно, но миссис Моррисон не обращала внимания на такие мелочи. Поздними летними вечерами из ее окон лилась необыкновенная музыка, наполняя воздух чем-то волшебным и сказочным. И за это ей прощали и ее унылый вид, и недружелюбный характер.

Днем в пансионате оставались лишь дамы и мистер Чарльз Эддингтон, муж беременной Элизы. Он был значительно старше жены, отставной военный в высоком чине, который оставил свою службу по истечении выслуги лет. Ему было около шестидесяти, а служить он начал в самом юном возрасте, поэтому свое отслужил и в почетном звании был отправлен на заслуженный отдых. Элизу он оберегал, как мог, но она все время дулась на него, выражая недовольство по любому поводу.

Майкл Брукс, муж молоденькой Юджин, владел огромными винными погребками и единственной в их округе пивоварней. И погребка и пивоварня достались ему в наследство от отца, и в свои сорок с небольшим он уже имел и состояние, и известность далеко за пределами их графства. Но его дела требовали неустанной заботы и внимания, поэтому каждый день он отправлялся в город вместе с мужем Джанет Флетчер.

Вильям Флетчер был адвокатом. Его должность ко многому обязывала, и пятидесятилетний, высокий и дородный мужчина, всегда с иголочки одетый, хорошо подстрижен и выбрит, не пропускал ни одного дня, кроме законных выходных, чтобы не побывать в своей конторе и вести дела так, чтобы комар носа не подточил.

Каждое утро этих двух занятых мужчин ожидал экипаж, который доставлял их в город, а вечером привозил обратно. Эта была конечно же дополнительная статья расходов, которую мистер Брукс и мистер Флетчер делили пополам.

Итак, весь июнь в пансионате шла оживленная жизнь: раннее утро и завтраки на открытой веранде, затем прогулки вдоль песчаного берега. Купаться было еще рано, морская вода была недостаточно прогрета солнцем. После прогулки дамы возвращались домой и занимались своими делами в ожидании обеда. Обед, как правило, состоял из трех блюд, всегда сытный и разнообразный. Затем все отправлялись на послеобеденный сон, после которого их ожидал вечерний чай, обязательно с выпечкой. Ближе к вечеру со службы возвращались мужчины, и вся компания вновь собиралась вместе к ужину.

Но темнело в это время года довольно поздно, поэтому ужин проходил без свечей, но иногда задерживался, особенно если мужчины обсуждали политические новости. Порой предлагалась игра в карты, в бридж или покер. Тогда вдоль стола расставлялись свечи, и компания предавалась этому занятию чуть не до полуночи.

Вильям Флетчер, Майкл Брукс, Чарльз Эддингтон

Каждый четверг после ужина миссис Моррисон приглашала желающих к себе на музыкальный вечер. Она выставляла на круглом столе серебряный поднос с фруктами, которые специально заказывала в этот день, а так же поднос с бокалами на высоких ножках и декантеры с красным и белым вином, на любой вкус. Вдоль стен стояли диваны и кресла с гнутыми ножками, обитые английским ситцем. Гости удобно располагались вокруг и слушали игру Эдны Моррисон, которая завораживала своей удивительной чистотой звучания и талантливым исполнением.

Но это и все, что можно было сказать хорошего о миссис Моррисон. Особой она была весьма скрытной, но зато постоянно делала замечания всем и по любому поводу. Особенно

доставалось миссис Олдридж, заботливой хозяйке пансионата. Ворчливая Эдна всегда находила предлог, чтобы к ней придрататься: то кофе недостаточно горяч; то суп жидок; то выпечка к чаю слишком приторна, и где корица; почему скатерть не поменяна к ужину и так далее, и тому подобное.

Эдна Моррисон

Лесли Олдридж, дородная женщина средних лет, со своим хозяйством управлялась легко и с душой. А на постоянные замечания Эдны Моррисон старалась не обращать внимания. Она лишь улыбалась ей, извинялась, но не лебезила и не подстраивалась: такому человеку, как Эдна, все равно не угодишь, как ни старайся.

Джозеф Олдридж, муж Лесли, следил за чистотой всей территории пансионата, ухаживал за деревьями и цветами. У каждого коттеджа была разбита клумба, и каждая из них требовала ухода. Так же он занимался необходимым ремонтом, следил за исправностью деревянных настилов, особенно у домика Чарльза и Элизы Эддингтон, так как беременная женщина могла легко споткнуться о выступающую или проваливающуюся доску, тогда беды не миновать.

Мистер и миссис Олдридж имели взрослого сына по имени Дэйв, и этот молодой красавец привлекал к себе взгляды Юджин и Джанет, двух веселых и беззаботных женщин, совершенно раскрепощенных хохотушек. Надо отдать должное Джанет, она была поскромнее и посдержанней Юджин, то ли в силу своего возраста, чуть постарше, то ли в силу своего темперамента. Так или иначе, она и смеялась меньше, и, в отличие от Юджин, совсем не флиртовала с юным Дэйвом, когда он катал их на лодке по голубой глади залива.

Юджин Брукс

Июль месяц начался со страшной жары, которая опустилась внезапно, прямо в один день. Еще накануне вечер был зябким, все разошлись по своим коттеджам сразу после ужина. Правда Джанет уговорила мужа пройтись немного перед сном и подышать свежим воздухом. Вильям чинно взял жену под руку, и они отправились вдоль темной аллеи, осторожно ступая по деревянным мосткам.

Из домика Бруксов слышался залиvistый смех Юджин, из окна миссис Моррисон раздавались звуки рояля, как и всегда в вечерние часы. Но когда они тихонечко подошли к дому мистера и миссис Эддингтон, пришлось приостановиться. Они слышали громкие рыдания Элизы и голос ее мужа Чарльза:

– Ты совершенно несносна, дорогая моя, – говорил он раздраженно. – То тебя не устраиваю я, то соседи. Теперь ты злишься на какого-то мальчишку, который отказался покатать тебя на лодке. Но в твоём положении...

Его слова были прерваны гневным возгласом Элизы:

– Это я несносна?! Да ты на их стороне! Они все считают, что я здесь лишняя со своим животом! Зачем ты меня сюда привез? Я чувствую себя неполноценной, как старая сизая индюшка среди белых лебедей!

Входная дверь стала открываться, и супруги Флетчер быстро юркнули за раскидистый куст, чтобы остаться незамеченными. На крыльцо вышел Чарльз в полосатом шелковом халате, надетом поверх такой же пижамы. Он уселся в плетеное кресло и закурил сигару. Из дома все так же раздавался плач Элизы, а Вильям и Джанет Флетчер чувствовали себя очень неудобно, как будто они подсматривали за супругами Эддингтон в замочную скважину.

Как только Чарльз скрылся за дверью своего коттеджа, они поспешили к себе домой, замерзшие и немного напуганные случившимся.

– Не обращай внимания, дорогая, – попытался успокоить Джанет муж. – Обычная истерика беременной женщины на ровном месте. Уверен, что это не надолго и уж поверь мне, без всякой причины.

Джанет Флетчер

И действительно, жарким утром следующего дня Элиза Эддингтон появилась в столовой во всем своем женском очаровании. Глаза ее сияли каким-то особенным блеском, волосы были хорошо уложены, а одета она была в красивое легкое платье из голубоватой органзы, которое удачно скрадывало ее довольно полноватый животик.

Все восхитились ее внешним видом, а Джанет, поздоровавшись лишь едва заметным кивком, тут же опустила глаза. Все сразу же заговорили о наступившей жаре, о том, что лето наконец вступило в свои права, и стали обсуждать начало купального сезона.

– На пляж! Непременно на пляж сегодня, господа! – воскликнула восторженная Юджин и глянула на своего мужа так обворожительно, что тот покраснел.

Был выходной день, поэтому все были в сборе и дружно решили, что идея хорошая, почему бы и не искупаться.

– Мы уже установили зонтики на пляже, господа – проговорила Лесли Олдридж, и гости восхитились ее предусмотрительностью.

После завтрака, когда все стали расходиться по домам, чтобы переодеться для купания, Джанет Флетчер подошла к стоящей в сторонке Элизе, дожидавшейся своего мужа, который все еще беседовал в кругу мужчин.

– Как вы себя чувствуете, дорогая? – спросила она осторожно. – Наступила жара, вам она не будет помехой?

Элиза взглянула на свою собеседницу слегка удивленно и ответила:

– Нет, что вы. Я прекрасно себя чувствую, вот только купаться не решусь. Разве что, смочу ноги. А вы и Юджин собираетесь окунуться?

– О, да, и даже поплавать. Я не могу дождаться. Лето в Англии короткое, надо ловить момент, – весело ответила Джанет.

– Вы правы, дорогая моя. Я буду наблюдать за вами. Надеюсь, вы получите огромное удовольствие.

Наконец мужчины закончили свои разговоры, и все отправились по домам. Майкл Брукс заспешил к своему коттеджу, куда давно уже убежала Юджин, а Вильям и Джанет тоже направились к себе, видя как осторожно и нежно обнял свою драгоценную супругу Чарльз Эддингтон и повел в направлении к дому.

– О чем вы говорили, дорогая? – спросил жену Вильям Флетчер.

– Так, ни о чем. О погоде, о самочувствии. Она выглядит довольно мило сегодня, ты не находишь? Как будто и не было вчерашней истерики.

Не прошло и получаса, как все вышли на пляж, даже миссис Моррисон спешила к берегу в своем обычном черном одеянии, только вместо накидки ее голову прикрывал от солнца изящный кружевной зонтик. Для всех гостей были приготовлены большие полосатые зонты, под ними стояли лежаки и маленькие колченогие столики.

Все стали располагаться, мужчины достали газеты, журналы и сигары, а дамы, все, кроме Элизы, скинули свои легкие одежды и направились к воде. Послышался визг и радужные брызги разлетелись в стороны, когда тоненькая, как веточка Юджин бросилась в прохладную воду. За ней окунулась и Джанет, и они поплыли от берега, легко вскидывая руки и громко переговариваясь.

Эдна Моррисон стояла у самой кромки воды, боясь войти в нее. Она осторожничала, шла маленькими шажками, постоянно вскрикивая и отступая назад от легких, накатывающих на берег волн. На ней был полосатый купальный костюм: шаровары почти до колен и плотная майка. Фигура была немного грузная, но для своих сорока пяти лет она все же выглядела неплохо.

Мужчины устремили свой взор на резвящихся в воде молодых женщин, но Чарльз вдруг спохватился и предложил жене:

– Не хочешь ли подойти к воде, дорогая? Я с удовольствием провожу тебя.

Она дала свое согласие, мистер Эддингтон помог ей подняться и повел к сверкающей и отливающей всеми красками голубого водной глади. Вдруг откуда ни возьмись появилась лодочка. На веслах сидел Дэйв Олдридж, который не сводил глаз с плавающих в отдалении Юджин и Джанет.

– Юноша, – вдруг громко позвал его Чарльз, – не будете ли вы так любезны покатасть нас с женой по заливу?

Дэйв тут же направился в их сторону, и они вдвоем помогли Элизе забраться в лодку. Выглядело это немного неуклюже, женщина смутилась, и в глазах ее снова блеснули слезы, наверное от недовольства собой. Чтобы немного ее поддержать, юноша набрался смелости и проговорил:

– Вы сегодня очаровательны, леди. Вам очень идет голубой. Надеюсь, прогулка по морю доставит вам удовольствие.

Элиза слегка склонила голову и ответила:

– Благодарю.

Затем они с мужем стали любоваться морской гладью, рассекаемой веслами и маленькими, снующими в воде рыбешками, не обращая ни малейшего внимания на юношу, который доставлял им это удовольствие.

Так проходил день за днем в этом тихом, уединенном от городской суеты местечке. Солнечный пляж, тень раскидистых сосен и редких пальм, музыкальные вечера миссис Моррисон, задушевные беседы или игра в карты – все это создавало обстановку прекрасного отдыха милых английских леди и их достопочтенных мужей.

Глава 2

Гром грянул с ясного неба так неожиданно, что все растерялись и пришли в полнейшее замешательство. Уже наступил август, все чаще стали идти дожди, но пока еще непродолжительные, не холодные и зачастую лишь по ночам. Гости пансионата, задерживаясь за ужином немного дольше обычного, как правило расходились по своим домикам, предпочитая вечернее уединение шумному общению, от которого стали немного уставать.

В один из таких вечеров в благородном семействе Майкла и Юджин Брукс разразился скандал. Началось все с того, что муж сообщил своей жене о намерении отправиться к мистеру Эддингтону, чтобы поиграть в карты.

– Не желаешь ли ты, чтобы Элиза навестила тебя, дорогая? – спросил заботливый муж, но Юджин быстро отказалась.

– Нет, нет, не нужно ее беспокоить в ее-то положении. Я знаю, что она предпочитает рано ложиться спать, а вы проиграете в карты часа три, не меньше. Это ее утомит. Я с удовольствием почитаю в одиночестве, милый.

Муж поцеловал Юджин и удалился. Но пробыл он у Эддингтонов не более получаса, так как игра в карты не состоялась. Элиза неважно себя чувствовала с самого утра, и Чарльз ухаживал за ней. Тем не менее, Майклу предложили бокал бургундского, мужчины успели перекинуться парой слов о политической обстановке в стране, о только что зашедшем на престол короле Георге V, как в дверь постучали. Это была Эдна Моррисон.

– Я слышала, что бедной Элизе нездоровится, – проговорила она. – Вот, успокоительный настой из мяты и ромашки. Отличное средство на ночь, я сама приготовила.

Чарльз Эддингтон, нимало удивившись, взял из рук Эдны маленький чайник, прикрытый льняным полотенцем, и начал благодарить, тогда как Брукс распрощался и поспешил к себе.

Майкл осторожно вошел в дом, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену, и последовал в опочивальню. Картина, которую он там застал, приковала его к месту, он не мог вымолвить ни слова, лишь жадно хватая ртом воздух, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

На брачном ложе, стоящем у настезь открытого окна, во всей своей красе лежала обнаженная Юджин, а над ней склонилось молодое, тоже совершенно нагое тело мужчины, которого он не сразу узнал в полумраке, царившем вокруг. На полу были разбросаны одежды, и пара, видимо, бурно резвилась на кровати, судя по смятым простыням и сбитым в сторону подушкам.

Легкий вскрик Юджин, заметившей наконец мужа, заставил юношу резко вскочить с постели, схватить с пола одежду и ловко выпрыгнуть в окно. Все это произошло в считанные секунды, Майкл и опомниться не успел, но зато он узнал этого дерзкого прелюбодея – это был ни кто иной, как Дэйв, сын Лесли и Джозефа Олдридж, хозяев пансионата.

Юджин села на кровати, согнув ноги в коленях и натянув на свое нагое, бесстыжее тело батистовую простыню. Она смотрела на мужа огромными испуганными глазами, а он развернулся и вышел из спальни, резко захлопнув за собой дверь.

Измены всегда приводят мужей в состояние ступора, но застать любовника жены в собственной постели – это настолько шокирующее зрелище, что в это даже не сразу верится. Может, это жестокий и коварный сон, сновидение, которое улетучится сразу же, стоит только открыть глаза? Но прошло не более пяти минут, как Майкл наконец понял, что это был не сон, что все случилось наяву, и его семейная жизнь, которой он так гордился и дорожил, ни что иное, как гнусный обман.

Мистер Брукс, тем не менее, вновь вошел в спальню с зажжённой свечой в руке. Юджин уже натянула на себя тоненькую ночную рубашку и сидела на краю кровати, свесив ноги. Она ничего не говорила, руками упиралась в матрас, а по щекам ее текли слезы.

– Я застал вас, мэм, в самый вопиющий момент, когда вы предавались столь недостойному занятию, используя для своих безнравственных утех наше брачное ложе. Я не требую от вас никаких объяснений, они мне заранее столь неприятны, что я не желаю их выслушивать.

Наступило тягостное молчание. Затем Майкл продолжил все в той же нравоучительной манере:

– Завтра утром я уезжаю отсюда и больше не вернусь. Но вас я не желаю видеть в своем доме. Оставайтесь здесь до тех пор, пока я не приму окончательное решение. Я пришлю за вами экипаж.

Затем он немного подумал и добавил:

– Возможно, вам подходит такое мое решение, и мой отъезд в город вам на руку. Но все же я надеюсь, что, оставшись здесь в одиночестве, вы будете достаточно благоразумны, чтобы не позорить меня и себя в глазах людей, которые слишком хорошо знакомы с нашей семьей.

Юджин наконец встала с кровати, подошла к мужу и тихо произнесла:

– Майкл, прости меня. Да, я виновата. Но я люблю его. Люблю с того самого момента, когда мы первый раз встретились. Не хочешь же ты сказать, что до меня у тебя никого не было? У тебя были женщины, и ты их любил. А у меня ты был первым, и я тоже думала, что это любовь. Думала до тех пор, пока не встретила Дэйва.

– Не утруждайтесь, – холодно ответил мистер Брукс. – Мне эти подробности не интересны. Я предоставлю вам полную свободу, но только после развода. А пока извольте сохранять приличия и не усугубляйте ситуацию, которая и так уже не в вашу пользу.

С этими словами Майкл Брукс вышел из спальни, затем переделался в легкие льняные брюки, такую же рубашку и отправился на берег залива. Стояла звездная августовская ночь, от поздней прохлады было зябко, а от темной воды, по которой бежала и искрилась лунная дорожка, веяло запахом моря и водорослей.

Майкл шел вдоль берега в тяжелой задумчивости, в которой наверное и пребывают все обманутые и оскорбленные мужья в тот момент, когда они узнают, что обмануты. Но Майкл был более раздосадован, чем оскорблен. Он не был слишком набожным: тот образ жизни, то, чем он занимался не позволяло ему строить из себя святошу.

Он производил вино и пиво, продавая их слабовольным поклонникам Бахуса, среди которых было не так много нравственных людей и истинных ценителей культа этого бога. В большинстве своем это были просто любители выпить, побольше и подешевле. И на этом их нездоровом пристрастии он приумножал свой капитал. Но это был не самый большой грех в его жизни. С этим он смирился, это был его крест, и никто никогда в его семье ничем другим не занимался. Одно и то же из поколения в поколение.

Но нечто другое лежало на его душе тяжелым камнем и никак не давало покоя. Это была Элиза, его возлюбленная, которая вопреки здравому смыслу вышла замуж за пожилого, но очень уважаемого Чарльза Эддингтона. Она призналась перед самой свадьбой, что не любит своего будущего мужа, но родители никогда не дадут своего согласия на брак с ним, с Майклом, так как ее отец, ретроград и моралист, считает его занятие, его бизнес недостойным и порочающим звание порядочного дворянина.

Майкл смирился со своей участью, настаивать не стал и вскорости женился на молодой девочке с хорошим приданым. Родители Юджин, кузен и кузина дальнего родства, потомки хорошо известной династии виконтов Деверё, согласились на брак дочери с солидным мужчиной, посчитав, что отдадут ее в хорошие руки. Они подарили им на свадьбу небольшой, но довольно роскошный особняк в графстве Девоншир. Юджин и Майкл часто наезжали в свое имение, но постоянно там не жили. Особняк располагался далеко от Лондона, а молоденькая Юджин любила светские развлечения.

Все устраивало мистера Брукса в его новой семейной жизни кроме одного: он никак не мог забыть свою прежнюю возлюбленную Элизу. Когда выпадала возможность, они встречались, и Майкл вывозил ее в Девоншир, в особняк своей жены, и каждый раз эти встречи были полны безумных страстей! Они сгорали от любви в объятиях друг друга и клялись, что каждая из этих встреч – последняя. И наконец они действительно прекратили встречаться, когда в начале весны Элиза объявила своему возлюбленному, что беременна.

Майкл Брукс пришел в замешательство: не он ли отец этого будущего ребенка, и что думает по этому поводу сама Элиза? Но будущая мать ответила коротко и ясно:

– Мой муж Чарльз безгранично счастлив теперь, так как в предыдущем браке у него не было детей. Его жена умерла, оставив его без наследника. Но возможно в этом была его вина. Да, у меня есть сомнения, не скрою, но не будем же мы из-за этого портить жизнь? Мы должны смириться с судьбой. А наш грех пусть рассудит Бог и простит.

Это были последние слова Элизы. После чего она покинула Майкла, и они больше не встречались до самого лета. А здесь, в пансионате, увидев ее грузную и удрученную, он проникся скорее жалостью и состраданием к ней, нежели любовью. После ее слов и сомнений он не в силах был воспринимать ребенка, которого она вынашивала, как своего. Но зато, глядя на Элизу, он мечтал об одном: чтобы его молодая жена Юджин поскорее последовала ее примеру и одарила его счастьем отцовства, настоящего, а не мнимого.

И вот сегодняшней ночью его мечты рухнули. Если вдруг окажется, что Юджин беременна именно сейчас, он точно так же не воспримет этого ребенка, так как горькие сомнения будут глотать его душу. За что ему такое наказание, вполне себе уважаемому и видному мужчине, с красивым лицом и легкой проседью в волосах? Он богат, хорошо обеспечен, дела его идут весьма благополучно, бизнес доходный. А вот дела сердечные постоянно дают сбой: потерял одну возлюбленную, похоже, теряет и вторую.

Майкл Брукс вернулся домой лишь под утро. Он чувствовал озноб, испытывал чувство голода и тревоги. До отбытия в город оставалось еще достаточно времени, чтобы отдохнуть и согреться. На завтрак он решил не ходить, поэтому лег на мягкий, но неудобный диван, укутался пледом и тут же заснул. Разбудил его Вильям Флетчер, когда обнаружил, что Майкл с женой не вышли к завтраку. Дверь ему открыла Юджин, но ничего толком объяснить не смогла, ее глаза были вспухшие от слез, а губы дрожали.

– Боюсь, ему нездоровится, – лишь проронила она и пропустила Вильяма в дом.

Тот разбудил Майкла, осторожно тронув его за плечо, и произнес:

– Экипаж отбывает через полчаса. Вы собираетесь ехать на работу, друг мой?

Мистер Брукс тут же вскочил и пообещал, что он будет готов вовремя.

– Я все же хотел бы выпить чашку кофе перед отъездом. Подождите меня в столовой, я скоро буду.

На жену он не взглянул ни разу, она тоже старалась не попадаться ему на глаза. Так они и расстались, без слов и без каких-либо договоренностей.

Юджин упала ничком на кровать и горько зарыдала. В какой-то мере она даже позавидовала своему мужу: тот уехал в город, решив тем самым все насущные проблемы здесь. А ей отсюда не выбраться, придется общаться со всеми этими людьми, отвечать на их вопросы и страдать от стыда и обиды. Но одна отдушина все же была: теперь она почувствовала относительную свободу для встреч со своим любимым.

Глава 3

Дэйв Олдридж был настолько хорош, настолько молод и ласков, что юная Юджин забывала обо всем на свете в его горячих объятиях. Первый раз она обратила на юношу внимание пару месяцев назад, когда они с Джанет попросили его прокатить их на лодке. Дэйв с удовольствием согласился, помог дамам забраться в его суденышко и занять свои места.

Погода была солнечная, но утренняя прохлада обвивала их своим дуновением, поэтому было не жарко, а красивые соломенные шляпки прикрывали лица от солнечных лучей. Джанет вдруг наклонилась к Юджин и произнесла в самое ухо:

– Этот юноша удивительно красив, вы не находите, дорогая?

Юджин внимательно посмотрела на Дэйва и тут же встретила с его завораживающими взглядом. Из-под густых темных ресниц на девушку взирали красивые серые глаза. На лоб юноши ниспадала густая челка блестящих пепельных волос. Нос был прямой, а губы сложены так красиво, что казалось, будто он слегка улыбается.

Девушка тоже улыбнулась ему и опустила глаза, чувствуя как ее щеки заливают румянец. Больше она старалась не смотреть на него, во всяком случае, так откровенно, лишь бросала короткие взгляды и тут же отводила глаза. Но когда прогулка была окончена, Джанет легко и без посторонней помощи выбралась из лодки, но та при этом слегка закачалась, и юноше ничего не оставалось делать, как придержать Юджин, чтобы она не упала.

– Давайте я помогу вам, леди, – сказал Дэйв и, осторожно обхватив ее за талию, помог сойти на берег.

От его прикосновения Юджин вся вспыхнула и непроизвольно дотронулась пальцами до его руки. Он тут же взял ее руку в свою и нежно поцеловал.

– Это совершенно излишне, – проговорила Юджин и сделала вид, что сердится.

Затем они с Джанет двинулись в сторону коттеджей, оставив Дэйва одного на берегу.

– Мне кажется, вы вскружили ему голову, дорогая Юджин, – со смешком проговорила Джанет, держа подругу под руку.

– Ну вот еще! – снова вспыхнула та и весело засмеялась.

А буквально через неделю, когда Юджин, проводив мужа на работу, сидела в домике одна и скучала, к ней вдруг пришла миссис Моррисон. Эта женщина зашла в дом Бруксов совершенно без стука, но с порога тут же окликнула Юджин. Девушка в большом недоумении выбежала к двери и, застав там Эдну, спросила:

– Что вам угодно миссис Моррисон? Что-то случилось?

– Ах, нет, не стоит так волноваться. Но я пришла к вам по поручению. Не изволите пройти ко мне в дом? Вас там ожидают.

Юджин накинула на плечи легкую ажурную шаль и поспешила за Эдной. Она думала, что в домике миссис Моррисон намечается очередное музыкальное прослушивание, которое, впрочем, проходило по вечерам. Но сегодняшнее утро было немного прохладным, и никто не пошел на пляж. Поэтому, чтобы не скучать в одиночестве, лучше развлечься и всем вместе послушать удивительную игру Эдны.

Но она ошиблась. В домике миссис Моррисон больше никого не оказалось. Эдна сетовала на погоду, раздумывая, идти ей купаться или нет, как в дверь постучали. Хозяйка впустила гостя, и к величайшему изумлению Юджин им оказался Дэйв Олдридж. Было понятно, что эту внезапную встречу организовала Эдна Моррисон, которая тут же поспешила удалиться, оставив своих гостей наедине.

Замешательство продлилось не более пяти минут. Юноша нерешительно, но нежно и бережно притянул девушку к себе и вдруг поцеловал. От этого поцелуя у Юджин закружи-

лась голова, ажурная шаль соскользнула на пол, обнажив красивые, хрупкие плечи, к которым тут же припал губами страстный юноша.

Девушка не сопротивлялась, это было выше ее сил. Закрыв глаза, она тут же вспомнила свое ночное сновидение, где они с Дэйвом сидели в лодке бок о бок, он держал ее за талию, они качались на волнах, а она мечтала о его губах, о его поцелуе и проснулась именно тогда, когда почувствовала жесткое, грубоватое прикосновение Майкла. Он привлек Юджин к себе, пытаясь овладеть ею, но она высвободилась из его объятий и, сославшись на тошноту, закрылась в клозете.

И вот мечта ее сбылась. Он здесь, этот нежный красивый молодой мужчина, который как-то враз завоевал ее сердце.

– Простите меня за излишнюю вольность и не сочтите за бестактность мое поведение, миссис, но я не в силах сдержать свои порывы. Вы не откажетесь провести со мной хотя бы пару часов? Я умоляю вас!

Юджин растерялась. Она смотрела в его глаза, которые ей хотелось целовать, держала его за руки и молчала. Ей было легко и страшно одновременно. Как такое могло случиться, что она здесь, рядом с ним? Она совершает какой-то неправильный поступок: вместо того, чтобы возмутиться, как сделала бы любая порядочная леди, она застыла в оцепенении и жаждала только одного, чтобы он был рядом, обнимал и целовал ее.

– Где вы хотите провести эти часы, сударь? – наконец вымолвила она.

– Мы можем остаться здесь, в этой гостиной до возвращения миссис Моррисон.

Затем Дэйв поднял с пола шаль, накинул на плечи девушки и увлек ее за собой, усадив рядом на тахту, обитую шелковистым гобеленом. И с этого момента молодые люди позабыли обо всем на свете. Они целовались так страстно и порывисто, с таким накалом нахлынувших на них чувств, что и не заметили, как их поцелуи переросли в нечто большее. Они лежали на тахте в обнимку и хотели только одного: испытать чувство взаимного обладания, но благо-разумие все же взяло верх.

Юджин вдруг резко встала, одернула свои пышные юбки, поправила лиф платья, съехавший ниже всех допустимых пределов, и проговорила немного хриплым от волнения голосом:

– Придумайте место, где мы могли бы быть в полном уединении. А сейчас мне нужно идти.

Она быстро покинула домик миссис Моррисон и тут же встретила с ней лицом к лицу на аллее, по которой та медленно возвращалась к себе. Заметив возбужденное лицо Юджин, она подошла к ней вплотную и проговорила:

– Вы слишком молоды, чтобы понять, что такое любовь. Но у такой юной особы, как вы, она может быть только с юношей, пылким и страстным. Не растрачивайте свою молодость зазря, любите, пока молодая. А ваш муж... не терзайтесь муками совести. Он тоже не безгрешен, уверяю вас. Зато в объятиях этого мальчика вы почувствуете себя счастливой, моя милая.

Затем миссис Моррисон покинула ее, и стала подниматься по своим ступенькам в дом. Где в это время был Дэйв, Юджин не знала, но из дома он не выходил. Позже она поняла, что он воспользовался, и впоследствии не раз, задним окном, которое выходило, как и во всех остальных коттеджах, к густым зарослям можжевельника. Поэтому зайти в дом и выйти из него незаметно не составляло ни малейшего труда.

Миссис Моррисон, одержимая какими-то своими то ли коварными, то ли личными целями способствовала молодым людям, которые встречались у нее в коттедже так часто, как позволяло время, стараясь однако не вызвать подозрения у окружающих. Юджин была все так же дружна с Джанет, с которой они проводили много времени то на пляже, то на прогулках и разговаривали обо всем на свете, но только не о любви.

Юджин Брукс старалась держать свои чувства в тайне от всех, даже от близкой подруги. Но один неосторожный поступок свел все ее старания на нет. Случилось самое страшное: муж

разоблачил ее, и это было так постыдно, так непростительно, что Юджин впала в страшную депрессию после того, как Майкл покинул ее.

Когда в пансионате заметили, что мистер Брукс отсутствует уже несколько дней, Юджин стали задавать вопросы по этому поводу. Она, нимало смущаясь, всегда отвечала одно и то же:

– Ах, он занят. У него появились срочные дела, которые не терпят отлагательств, и покончить с ними необходимо в кратчайший срок. Он слишком поздно заканчивает свою работу, чтобы наезжать сюда. Выходные дни тоже требуют его присутствия.

Кто-то верил, кто-то нет, но вопросами юную леди не донимали. Лишь однажды, гуляя с подругой вдоль берега, Джанет спросила ее:

– Поделитесь со мной. У вас ведь что-то случилось? Я могу помочь?

Юджин неожиданно расплакалась и выплеснула наружу всю наблевшую боль, рассказав Джанет свою историю.

– Что мне делать, дорогая Джанет? – восклицала она. – Мы с Дэйвом любим друг друга. Но я замужем, и моя любовь противоречит любой морали. Муж захочет развестись со мной, я знаю.

Джанет выслушала подругу внимательно и наконец сказала:

– Да, это весьма неприятная история. Но что же Дэйв? Он намерен поддерживать вас? Хочет ли он соединить свою судьбу с вашей в будущем? Вы говорили с ним об этом?

Юджин быстро-быстро качала головой, а слезы продолжали течь из ее глаз.

– Он собирается уехать, Джанет. Он намерен отправиться в Америку на заработки. Да, он зовет меня с собой. Но...

Она внезапно замолчала, а Джанет продолжила:

– Ну это же прекрасно! Вы поедете вместе, и всем вашим невздам и даже осуждениям, которых в свете не миновать, придет конец. Вы согласились?

– Нет, не согласилась. Уезжать нужно уже через месяц, пассажирский лайнер «Мавритания» отправляется в Нью-Йорк, Дэйв не намерен откладывать. Но я не могу уехать пока не разведена. Это ведь долгий процесс.

Женщины замолчали и направились к своим коттеджам, слегка удрученные, если не сказать расстроенные. Придя домой, Юджин застала у себя Дэйва. Тот сидел на диване в ожидании, проникнув в дом, как всегда, через заднее окно.

Девушка тут же подбежала к нему и бросилась в его жаркие объятия.

– Почему ты не можешь отложить свою поездку, Дэйв? Я не смогу последовать за тобой, пока все не утрясется. Ведь если ты уедешь один, мы расстанемся навсегда или на очень и очень долго, – убеждала своего возлюбленного Юджин под впечатлением разговора с подругой.

Но, как оказалось, это последний рейс, затем начнется осенне-зимний период штормов, и навигация прекратится на неопределенный срок. Тогда Дэйв потеряет обещанное ему место на строительстве железной дороги, а место доходное, денежное.

– Если я сорву этот контракт, то мне выставят штраф, и я никогда не смогу больше поехать туда на заработки, – сетовал юноша, ничего при этом не предлагая Юджин.

Для нее все это звучало, как отговорка, она обижалась, вновь начинала плакать, заставляя юношу страдать.

Глава 4

В самом конце августа, когда жители пансионата стали потихоньку собираться домой, чтобы покинуть место своего летнего отдыха до следующей поры, Юджин занервничала. От ее мужа не было совершенно никаких известий, и она испугалась, что останется здесь совсем одна.

Да так оно и вышло. Самой первой покинула свой летний коттедж миссис Моррисон, вслед за ней отправились супруги Эддингтон. Элиза была близка к своему сроку, ей оставалось донашивать свое дитя не более полутора месяцев.

Последними готовились к отбытию Вильям и Джанет Флетчер. Джанет специально оттягивала отъезд, не желая оставлять подругу в пансионате одну. Она, не вдаваясь в подробности, стала уговаривать мужа, чтобы тот поговорил с Майклом Бруксом и прояснил ситуацию. Но Вильям был более, чем раздосадован этой просьбой.

– Это не наше дело, дорогая. Я не могу влиять на мистера Брукса. Уверен, что есть серьезная причина, по которой отъезд несчастной Юджин откладывается.

– А почему ты назвал ее несчастной? Тебе что-то известно? – в упор спросила мужа Джанет.

Но Вильям ушел от ответа. Он лишь пожал плечами и сказал, что несчастна любая женщина, которая остается без внимания и опеки со стороны своего мужчины.

«Наверное, эта ситуация уже стала достоянием гласности», – подумала тогда Джанет и сильно посочувствовала подруге, хотя, если быть честной до конца, она и осуждала ее. Прелюбодеяние – это большой грех, который всегда порицался в любом обществе. И Джанет, понимая чувства Юджин, все же не соглашалась с адюльтером. А иначе эти отношения никак назвать нельзя.

В ночь перед отъездом из пансионата Джанет долго не могла заснуть. На улице было ветрено, шум морских волн, шелест деревьев и дождь, стучащий в окно, создавали тревожную атмосферу. Она зарылась в одеяло, укрывшись почти с головой, и пыталась заснуть, ощущая тепло и ровное дыхание спящего рядом с ней Вильяма.

«Каково ей там, бедняжке, одной?» – думала она про Юджин и пожалела, что не пригласила ее ночевать к себе. К сожалению, в этот вечер отец и сын Олдриджи отбыли в город по каким-то неотложным делам, а вернуться должны были только завтра после полудня.

Итак, ночь прошла беспокойно, какая-то неясная тревога бередила душу Джанет, но эта тревога усилилась, когда Юджин не вышла к завтраку.

– С ней что-то случилось, – проговорила она и, вопреки настоятельному запрету мужа не вмешиваться, взволнованная женщина направилась в домик Бруксов.

Картина, которую она там застала, привела ее в ужас! Она не смогла сдержать своих эмоций, выразившихся громким воплем, сотрясшим пансионат. На этот крик тут же прибежали ее муж Вильям, Лесли Олдридж, а так же вся имеющаяся в наличии прислуга.

Юджин Брукс, почти нагая, в одной лишь полупрозрачной нижней юбке, возлежала на полу с раскинутыми в стороны руками. Голова была неестественно свернута набок, глаза широко открыты, а на шее красовались багрово-синие следы от удушения. Из рта несчастной жертвы стекла тоненькая и уже подсохшая струйка крови.

Все застыли в оцепенении, взирая на эту страшную картину, и лишь Джанет быстро выбежала из домика и с трудом справлялась с тошнотой, стоя у входа, облокотившись о перила и опустив голову вниз.

Смерть несчастной девушки потрясла весь город. Страшные подозрения легли в основном на двух человек: ее мужа Майкла Брукса и любовника Дэйва Олдриджа. Расследование

велось с особой тщательностью, но не продвигалось ни на йоту, так как у обоих подозреваемых было алиби.

Дэйвид Олдридж был в эту ночь с отцом в своем доме. Они покинули пансионат в день убийства еще засветло и возвращаться не собирались до следующего вечера. Но было одно но: Джозеф Олдридж спал так крепко, что не мог подтвердить, выходил ли его сын куда-нибудь ночью.

Это обстоятельство ставило под сомнение алиби Олдриджа-младшего, хотя было понятно, что времени на поездку в пансионат поздней ночью и на возвращение обратно было критически мало. Поэтому вряд ли Дэйв Олдридж смог отправиться туда ночью, совершить жестокое убийство и вернуться обратно ранним утром. И все же это нужно было проверить, поэтому Дэйв пока оставался под подозрением.

Старший Олдридж тем более не смог совершить эту поездку, так как поздней ночью и ранним утром его видели соседи, а мужчина он был не настолько расторопный в своем пожилом возрасте, чтобы успеть управиться с этим коварным делом в считанные часы.

Майкл Брукс тоже имел алиби, причем довольно серьезное. Он провел ночь в особняке миссис Моррисон, о чем она свидетельствовала с большой охотой. Им пришлось сознаться, что после скандала со своей женой Майкл искал утешения среди своих друзей. Самой отзывчивой оказалась одинокая Эдна Моррисон, которая проявляла заботу и сострадание, и не оставляла мистера Брукса одного в состоянии тяжелого душевного расстройства и депрессии.

Все эти обстоятельства ставили следователей в тупик, и им ничего не оставалось делать, как все же арестовать единственного подозреваемого без стопроцентного алиби – Дэйва Олдриджа, но к моменту принятия решения о его аресте оказалось, что он уже плыл на меж атлантическом лайнере «Мавритания» к берегам далекой Америки.

На этом круг замкнулся. А история убийства молодой леди Юджин Брукс так и осталась загадкой для всех в их маленьком городке. Но не было ни одного человека, кроме, пожалуй, Джанет Флетчер, кто бы горевал и переживал по поводу этой загадочной и такой жестокой смерти.

Со временем все постепенно стало забываться и стираться из памяти, никто более и не вспоминал о том чудовищном происшествии. Жизнь шла своим чередом, а участники тех событий переплелись некоторыми странными узами, несмотря на то, что никогда более не ездили на отдых в этот пансионат.

Лесли и Джозеф Олдридж сдавали свои коттеджи еще пару лет приезжим из других мест, но потом они оба состарились. Лесли не могла смириться с потерей сына. Она понимала, что Дэйв никогда не вернется, боясь возмездия, совершенно несправедливого, как она считала. Но такие дела, как жестокие убийства, не имели срока давности, значит по возвращении была большая вероятность того, что он попадет за решетку, причем пожизненно. Ее муж Джозеф тоже стал часто болеть, его мучили суставы, и управляться по хозяйству ему стало все труднее и труднее.

Элиза Эддингтон воспитывала сына. Ее постигло страшное горе: она осталась вдовой, когда мальчику исполнился всего лишь год, и с тех пор она жила только ради него. Майкл Брукс стал проявлять свой интерес к бывшей возлюбленной, но она заявила, что ни о каких отношениях между ними не может быть и речи. А виной тому являлась его тесная дружба с миссис Моррисон.

Все в городке знали, что владелец винных погребов и пивовар, мистер Брукс, находится в весьма близком контакте с Эдной. Она этого тоже не скрывала, а после ее музыкальных вечеров, когда гости расходились по домам, Майкл никуда не спешил и провожал гостей у порога сам. По этому поводу не раз перешептывались все знакомые, и эти слухи доходили и до вдовы Элизы Эддингтон, которая никогда не посещала миссис Моррисон, ссылаясь на занятость с сынишкой и на отсутствие времени.

Особняком от этой тесной компании стояли и супруги Флетчер. У них тоже родился ребенок, прелестная девочка по имени Эмма, которая на два года была младше Рассела, сына Элизы. В силу своего дружелюбного характера Джанет Флетчер сблизилась с одинокой Элизой Эддингтон, с которой они вместе выгуливали детей в парке и мечтали о том, что те станут друзьями, когда вырастут.

Иногда, очень редко, эти две женщины вспоминали события того лета и гибель юной Юджин. Они строили всякие предположения, кто и за что убил несчастную, и Элиза недоумевала, что если это действительно Дэйв Олдридж, то за что? И однажды Джанет не выдержала. Она поделилась страшной тайной, которую ей доверила в свое время Юджин. Она рассказала подруге об их пылкой любви, но женщины поклялись молчать об этом и никому никогда не рассказывать.

Подозрения с Дэйва Олдриджа так и не были сняты, хотя мотива не было. Никто толком не мог объяснить, почему именно он и за что мог убить Юджин Брукс. Слухи о том, что у них была любовная связь конечно же витали, но дальше слухов, если не сказать сплетен, дело не шло. Да и зачем молодому человеку было убивать женщину, которую он любил? На этот вопрос тоже не было ответа, поэтому тайна так и осталось не разгаданной и постепенно забылась.

Глава 5

Жизнь шла своим чередом, размеренная, неторопливая. Проходили годы, но как и во всех небольших городах здесь не случалось ничего грандиозного, кроме проводов в мир иной тех, кто уже отжил свое. Но случались, конечно, и более счастливые и радостные события: бракосочетания или рождения детей. Тогда дома счастливыхчиков украшались по-особенному, гирляндами и шарами, чтобы все видели, что здесь сегодня праздник.

Так в середине тридцатых годов в этом маленьком городке произошло очередное событие с привлечением всех участников предыдущей драмы: Эмма Флетчер, юная красавица – дочь Вильяма и Джанет – выходила замуж за Рассела Эддингтона, сына Элизы, которая так и воспитывала сына в одиночестве после смерти мужа. А дружба Джанет и Элизы длилась уже долгих двадцать лет. Их дети выросли в этом тесном дружном кругу и, повзрослев, полюбили друг друга.

На пышном обряде бракосочетания присутствовало много гостей, среди них родственники с обеих сторон, друзья молодых, а так же давние знакомые их родителей. Не обошлось и без Эдны и Майкла Брукс. Эта пара сочеталась браком спустя два года после тех печальных событий, когда несчастный вдовец Брукс потерял всякую надежду соединить свою судьбу с тоже овдовевшей Элизой Эддингтон.

Молодые Эмма и Рассел были дружны с детских лет и в юношеские годы признались друг другу в любви. Оба были приятной наружности, особенно Эмма, утонченная красавица. А Рассел отличался высоким ростом, благородными чертами лица и, если присмотреться внимательней, был несомненно похож на Майкла Брукса.

Это сходство так уж не бросалось в глаза посторонним людям, но все же Эдна не преминула заметить:

– Природа взяла свое, дорогой. Ее не обманешь. Не будешь же ты утверждать, что Рассел – сын этого увальня Чарльза Эддингтона.

Майкл посмотрел на свою жену глазами, полными удивления и смущения, пытаясь что-то возразить, но Эдна не дала ему выговориться:

– Я знаю, что вы были любовниками. К тому же Чарльз Эддингтон имел серьезные ранения, насколько мне известно, почему он и ушел в отставку, хотя мог бы послужить подольше. Так что он вряд ли мог стать отцом этому Расселу.

Майкла возмутила манера его жены высказываться столь категорично, но он понимал, что скорее всего, она права. Вот только сама Элиза всегда отказывалась говорить на эту тему, хотя Майкл и пытался объяснить, и не раз.

Но, несмотря на эти закулисные страсти, все были счастливы за молодоженов. Вот только Майкл Брукс был по обыкновению грустен, и Эдна, его жена, имела такое выражение лица, как будто она знает величайшую тайну, но раскрывать ее не собирается.

Перед второй мировой войной, в конце тридцатых годов, у молодой четы Эддингтон, Эммы и Рассела, было уже двое замечательных деток, Мэри и Джон, погодки, которые очень любили своих родителей, а так же и крестных – тетушку Эдну и дядюшку Майкла Брукса.

Эта пожилая пара всегда была очень привязана к их семье, особенно Майкл. Рассел, конечно же, ни о чем не знал и не догадывался. Эта до конца не раскрытая семейная тайна его появления на свет хранилась в строгом запрете. Эдна молчала, Элиза никогда не откликалась ни на какие разговоры на эту тему, а Майкл мучился и долгое время страдал от неизвестности.

Но он был очень благодарен Элизе за то, что та не отказывала ему от дома, всегда принимала и его, и Эдну. Но на разговоры об отце ее сына Рассела было наложено строгое табу. Все давно смирились с положением дел, и эта тема тоже иссякла, так как не имела ни малейшего развития. И тем не менее, Элиза сама предложила супругам Брукс стать крестными для

ее внуков. Видимо, она просто давала Майклу шанс быть «близким родственником» своему сыну, заглаживая таким образом вину перед ним.

Годы второй мировой войны не принесли больших разрушений в их провинциальный английский городок, который принимал беженцев из разрушенного немцами Лондона. Местные жители предоставляли им кров, и все вместе переживали это смутное время.

В сороковые послевоенные годы в Великобритании наступили довольно тяжелые времена. Дефицит, нехватка продовольствия, снижение доходов отразилось на самочувствии и настроении всех слоев населения, а пожилые люди на фоне этих перемен страдали вдвойне, так как ослабли еще и физически. Сразу же после окончания войны слегла Эдна Брукс, совсем престарелая, почти слепая. Она никого к себе не подпускала, кроме мужа, которому твердила постоянно:

– Скоро я отмучаюсь, а вы узнаете правду...

Майкл к ее словам не прислушивался, он тоже был стар и немощен, его преклонный возраст уже перевалил за семьдесят, а сам он только и мог, что сидеть в глубоком кресле, зачитываясь газетами и журналами.

Элиза Эддингтон, его давняя любовь, была немногим младше его, но в свои семьдесят она сохранила и благородную статью, и красивую осанку. А ее густые седые волосы, всегда уложенные в красивую прическу, не только не портили, а наоборот, украшали эту величавую женщину, придавая дополнительный оттенок присущему ей благородству. Она была любимой бабушкой двух прекрасных малышек, пятилетней Мэри и шестилетнего Джона.

Подругой Элизы, единственной и самой верной, так и оставалась Джанет Флетчер, по стечению обстоятельств ставшая ее родственницей, которой на тот момент было уже около шестидесяти. Джанет тоже могла похвалиться благородностью и внешности, и манер. Она так же обожала своих внуков и всегда сожалела о том, что ее муж Вильям не дожил до этих дней. Мистер Флетчер скончался в годы войны в очень солидном, преклонном возрасте.

Их дети, Рассел и Эмма Эддингтон, которым после окончания войны было уже за тридцать, имели неплохой капитал и бизнес, которым управлял в основном Рассел. Этот бизнес передал молодой семье Эддингтон крестный их детей, Майкл Брукс, когда сам отошел от дел. Рассел Эддингтон стал владельцем его винных погребов и пивоварни, которые, правда, нуждались в обновлении оборудования, ремонте и приведении в порядок после военного застоя.

Но Рассел принял этот дар с благодарностью. Он уже попробовал себя на этом поприще, придя к Майклу Бруксу на службу еще в довоенное время. Он оказался смышленным малым, схватил все быстро, и все тонкости этого бизнеса были ему уже хорошо известны, когда он принял это винное производство целиком в свои руки. А сам Майкл считал, что сделал для своего сына все, что мог в сложившихся жизненных обстоятельствах. А то, что Рассел все же его сын, он на тот момент уже не сомневался.

Глава 6

Очередным несчастьем для этой большой семьи, точнее, для людей, которые волею судеб сроднились между собой, стала смерть старенькой Эдны. Она умерла тихо, во сне. И похоронили ее тоже тихо, с надлежащими почестями, но никто, как ни странно, не лил слез. Даже ее законный супруг Майкл сохранял полное, немного мрачное и отчужденное спокойствие. А уходя с кладбища, последним покинув ее могилу, он проронил:

– Вот и не стало моей Эдны. И моя жизнь подходит к концу.

Маленькие Мэри и Джон держали старичка-крестного за руки с обеих сторон, и шли медленно, вторя его шагам и, понимая серьезность момента, не тархтели без умолку, как с ними это всегда случалось.

Старый Майкл, вернувшись с похорон и оставшись один, предался глубоким воспоминаниям. Вся жизнь с Эдной Моррисон, ставшей после замужества миссис Брукс, медленно проплыла перед его глазами, а точнее, воскресла в его сознании со всеми мельчайшими подробностями.

Любил ли он свою жену с ее странным, недружелюбным характером, женщину, которая не блистала красотой и была старше его на пять лет? Эдну, которая славилась в народе только тем, что была превосходной пианисткой? Других добродетелей за ней никто никогда не замечал. И все же он прожил с ней долгих тридцать с лишним лет, смирившись со своей участью обманутого мужа, вдовца, потерявшего прелестную молодую жену в самом расцвете лет.

Ему вновь вспомнилась юная Юджин, которая по своей свежести, прелести и женскому очарованию никак не могла сравниться с некрасивой, сварливой Эдной, его второй женой. Но Эдна спасла его от напасти, она обеспечила ему алиби, когда велось расследование гибели Юджин. На самом деле, Майкл был дома один в ту страшную ночь. А на фоне разыгравшейся семейной драмы он был, разумеется, первым подозреваемым. И если бы не Эдна, ему бы пришлось очень туго.

Он был благодарен ей за это, что и привело его в итоге к алтарю со своей спасительницей. Эдна обхаживала Майкла долго. Она стала его лучшим другом, утешительницей и советчицей во всех его делах. Окончательно отвергнутый Элизой Эддингтон, он вдруг почувствовал, что без Эдны ему не выстоять в этой суровой действительности.

Эдна убедила его, что убийцей Юджин был несомненно Дэйв Олдридж, а убил он ее из ревности: Дэйв настаивал на отъезде в Америку вместе с Юджин, а она отказывалась. Эту же вымышленную версию она сообщила и в полиции на одном из допросов.

– Откуда вам это известно, мэм? – спросил ее тогда Майкл.

– Я случайно подслушала их разговор незадолго до убийства, как раз перед самым моим отъездом из коттеджа, – не моргнув глазом, лгала Эдна. – Я хотела вам рассказать по приезду в город, но не решилась. Вы были так больны после расставания с Юджин, что я решила не тревожить вас лишним раз плохими новостями.

И вот теперь, после похорон Эдны, вся эта давняя, но не забытая история вновь всплыла в памяти. Майкл знал, что его жена почти всю свою жизнь вела дневники, вплоть до того момента, пока не потеряла зрение.

Была уже поздняя ночь, где-то далеко скулила собака, нагоняя сильную душевную тоску на одинокого Майкла. Он тяжело поднялся со своего кресла и отправился в спальню Эдны. Там было прибрано, постель заправлена и закрыта красивым кисейным пологом. На окне цвела герань, за которой ухаживала горничная, все вещи аккуратно стояли на своих местах. Но Майкла интересовал лишь огромный плетеный сундук в дальнем углу комнаты.

Он подошел к нему, потрогал рукой внушительный замок и понял, что без ключа не обойтись. Но поиском ключа он заниматься не стал, не хотелось рыться в шкафах и комодах Эдны.

«Попрошу Флоренс завтра, она найдет», – подумал Майкл и отправился наконец спать, хотя уже где-то далеко занимался рассвет, и небо за окном из тревожно-черного перекрасилось в густо-синий цвет, предвещающая приближающееся утро.

На следующий день, проснувшись почти в полдень, Майкл вышел в столовую, где его ожидал поздний завтрак. Перед тем, как сесть к столу, он подозвал Флоренс и спросил, знает ли она, где хранятся ключи Эдны.

– Мне срочно нужно отыскать кое-какие бумаги. Найдите и принесите мне ее ключи.

Горничная пообещала выполнить просьбу, и уже после трапезы Майкл держал в руках небольшую связку. Один ключ был непременно от таинственного сундука. Но сначала он открыл бюро, довольно емкое, с множеством ящичков, но там не нашлось ничего, достойного внимания. В основном в бюро хранились ноты, старые письма и рисунки крестников, Мэри и Джона.

Тогда Майкл подошел к сундуку и подобрал ключ к замку. Этому сундуку было, наверное, около ста лет, но сделан он был добротно. Открыв тяжелую крышку, Майкл увидел на внутренней ее стороне медную пластинку, совсем почти позеленевшую, на которой просматривалось имя: «Уильям Моррис», коим был знаменитый британский мастер мебели.

«Моррис... Моррисон, что это, странное совпадение?» – мелькнуло в голове Майкла, но он тут же углубился в поиски, начав перебирать содержимое этого старинного сундука, хранящего, как казалось старому Бруксу, зловещую тайну. Ему не давали покоя слова умирающей Эдны, которые она повторяла не раз: когда я умру, вы узнаете правду.

Среди вещей, хранившихся в сундуке старой Эдны, было немало хлама: старые поломанные веера, старомодные фетровые шляпы, какие-то коробки с непонятными, дешевыми украшениями, такими как бусы из стекла, броши без заколок, кольца, утратившие всякий вид, погнутые и с потускневшими камнями. Но рассматривать все эти «драгоценности» Майклу было неинтересно, он только удивлялся, для чего Эдна хранила весь этот хлам, и чем он был ей дорог?

Под слоем какой-то одежды, которой Майкл никогда не видел на своей жене, он наконец наткнулся на что-то более интересное. Это были толстые тетради, похожие на канцелярские талмуды, с пожелтевшими от времени листами и исписанные крупным, размашистым почерком Эдны.

Майкл осторожно вытащил одну из них и открыл первую страницу. На титульном листе красовалась нарисованная черными чернилами хризантема, а под ней значился год: 1901. Просматривая остальные тетради, Майкл убедился, что были и более ранние, и поздние даты. Выходило, что Эдна действительно вела дневники с самой ранней юности и почти до конца своей жизни.

Он вспомнил, как не так давно по просьбе жены и под ее диктовку записал последнюю страницу в дневнике Эдны. Это были грустные слова о том, что жизнь, не такая уж бурная и счастливая, подходит к концу. Свет померк в ее незрячих глазах, а тени, которые она еще способна различать вокруг себя, наводят на нее страх и тоску.

Одно спасало Эдну в те не очень радостные дни – это игра на рояле. Руки помнили все, чему научились за долгие годы. Играла Эдна все так же превосходно, вот только музыка ее была печальной, от ее звучания исходило страдание и тревога. Майкл этих концертов не любил и всегда выходил в сад, когда Эдна музицировала. Там ее игра тоже была слышна, но она растворялась в звуках живой природы и поэтому не была столь трагична.

Майкл перебрал несколько тетрадей, все их перечитывать он, конечно, не собирался, во всяком случае сейчас. Открыв наугад одну из страниц, он прочитал:

«Все в жизни имеет свое начало и конец. Все: и жизнь, и любовь, и страдания. Мой муж покинул меня, оставив после себя лишь досаду и огорчение от его кончины. А еще тяжелый

серый камень, покоящийся на его могиле. Любила ли я своего Джорджа? Не знаю...» – на этом запись заканчивалась.

В другой тетради, помеченной двадцатью годами ранее, была более интригующая запись: «Чарльз Эддингтон вернулся из этой ненавистной Африки. Зачем нужна эта завоевательная война, которая так калечит людей! Он же ранен, на нем живого места нет!»

Было понятно, что речь шла о временах колонизации Англией крупных феодальных государств Африки в самом конце девятнадцатого столетия. А Чарльз Эддингтон, будучи в то время храбрым офицером, был участником подавления восстаний угандийских королевств. Но при чем здесь Эдна? Ей на ту пору было уже около тридцати, незамужняя старая дева, но значит она все эти годы дожидалась Чарльза, раз так переживала за него?

Майкл просмотрел тетради и нашел записи, относящиеся к 1900 году.

«Чарльз оставил меня после стольких лет ожидания», – писала Эдна. – «Ну и пусть. Ему уже пятьдесят, а я в самом соку. Тридцать пять – это еще не возраст для женщины, чтобы там ни говорили злые языки. Дам согласие Джорджу Моррисону. Пусть он не столь красив, но у него неплохой капитал, да и возраст подходящий».

Майкл поудобнее расположился в своем кресле и стал размышлять над этими откровениями Эдны. Значит, она по молодости лет встречалась с Чарльзом Эддингтоном! Это была сногшибательная новость. Об этом никто никогда не слышал да и не знал. Значит, их связь была тайной добрый десяток лет и, скорее всего, по причине самого Чарльза, который не желал делать их отношения достоянием гласности.

В итоге он все же оставил Эдну где-то в самом начале нового столетия. После чего он долгое время пропадал во вновь завоеванных колониях, то ли в Канаде, то ли в Новой Зеландии, и о нем не было ни слуху, ни духу. Эдна наконец вышла замуж за Джорджа Моррисона, о чем в ее дневнике тоже была подробная запись даже с интимными подробностями, которые Майкл быстро пролистнул.

Но Эдна не долго прожила в замужестве. Джордж Моррисон, богатенький владелец нескольких продуктовых магазинов в их округе и за его пределами, рано скончался от неизлечимой болезни почек, а свой доходный бизнес завещал жене. Но Эдна не желала заниматься торговлей. Она наняла адвоката и с его помощью выгодно продала все лавки и магазины своего мужа, значительно приумножив свой собственный капитал.

К тому же она зарабатывала неплохие деньги игрой, так как много музицировала, став довольно знаменитой. Она была знакома с самой Джулией Хесс, самой известной пианисткой тех времен, с которой не раз участвовала а Променад-концертах в лондонском концертном зале Куинс-холл. Все это приносило ей славу и деньги.

Но счастливой Эдна себя не ощущала. Несмотря на свои успехи, она все равно была в тени более знаменитых и талантливых музыкантов. Джулия Майра Хесс, к примеру, уже с триумфом гастролировала по всему миру, тогда как Эдна Моррисон хоть и была востребована, но в составе симфонического оркестра разъезжала лишь по Британии. Она считала это несправедливым, но видимо ее мастерство все же не дотягивало до мирового уровня.

Мириться с этим было тяжело, к тому же с возрастом Эдне и вовсе надоела такая жизнь. Ей захотелось оседлости, семейного очага, особенно после окончательного возвращения домой Чарльза Эддингтона. Пианистка вновь обратила свой взор на предмет своего обожания, но тот ее вниманием решительно пренебрег! По городку пронесся слух, что у бравого военного роман с молоденькой Элизой Смит, дочерью офицера высокого ранга. Отец Элизы и Чарльз Эддингтон одно время даже служили вместе, и знакомство его дочери с этим прославившимся в боях офицером было весьма престижным.

Элиза, несмотря на то, что была безумно влюблена в Майкла Брукса, послушаться отца не посмела и вышла замуж по его настоянию. Майкла отец не воспринимал: виноторговец,

пивовар – что это за партия для такой блестящей невесты, как его дочь Элиза. Вся эта история, когда-то шумевшая в их городке, сейчас припомнилась Майклу.

Он вспомнил свое унижение, когда его холодно и неприветливо принимали в доме Смитов. Как плакала Элиза, признаваясь, что Чарльза Эддингтона не любит, но замуж за него выйдет, так как не желает огорчать отца. Майкл смирился со своей участью, а вскоре обратил свой взор на молоденькую Юджин, на которой впоследствии женился.

Вот только сердцу не прикажешь. Любовь к Элизе, ставшей уже Эддингтон, не проходила. Да и она, живя с нелюбимым, хотя и очень заботливым мужем, не могла сдержать своих страстей. У них были жаркие встречи и слезные расставания, которые почти всегда проходили в Девонширском имении, подаренном Юджин, жене Майкла, на свадьбу ее богатыми родственниками. Эти встречи были не частыми, конечно. Но продолжались до тех пор, пока Элиза не обнаружила, что беременна.

Майкл вновь пережил всю эту трагедию и своей потери, и своего обмана: юная Юджин не заслуживала такого обращения. Так считал исстрадавшийся Майкл, пока не обнаружил свою жену в постели с другим. И весь этот порочный круг для него замкнулся самым прискорбным образом.

«Предавший да будет предан сам», – вспомнил он тогда заповедь из какой-то нравоучительной книги и смирился с судьбой.

Затем, после всех этих прискорбных событий и после гибели Юджин, в его жизни появилась Эдна. Майкл взял в руки тетрадь, датированную последними годами. В самом конце он обнаружил запись, сделанную его рукой, ту самую, которую продиктовала ему Эдна. Он стал пролистывать тетрадь, читая предыдущие записи, написанные кое-как уже плохо видящей Эдной, но ничего интересного в них не обнаружил.

– Что же она имела в виду, когда говорила, что скоро я узнаю какую-то тайну? – пробормотал уже довольно расстроенный воспоминаниями Майкл, но тут на глаза ему попала тетрадь, датированная годом 1910. Это же как раз год гибели Юджин! В самой середине тетради из нее выглядывала розовая ленточка, это явно была закладка.

Майкл осторожно взял в руки дневник и открыл его именно на том месте, которое было заложено. Но то, что он там прочитал, повергло его в шок и пронзило настрадавшееся сердце такой сильной болью, что несчастный чуть не лишился чувств, дочитав откровения Эдны до конца.

Глава 7

Эдна Моррисон никогда не блистала красотой, даже в молодые годы. Угловатая, нескладная, со странным, немного непропорциональным из-за резко выступающих скул лицом, она не производила впечатления юной красавицы. Но ее отец, хоть и богатый, но заядлый кутила и театрал, уверял, что дочь похожа на Клементину Гаварден, очень известную и популярную артистку тех времен. Это же он внушал и дочери:

– Ты должна с достоинством относиться к своей внешности! Пусть все знают, что красота бывает порочна, а твой облик благороден, и всякие там Клементины тебе не чета. Сходство с ней тебя не принижает, а наоборот, возвышает. Ей-то приходится на сцене стрекозой порхать да панталоны из-под юбки показывать. А ты с ее статью и лицом воплощаешь одни лишь благодетели.

Эдна терпеливо выслушивала проповеди отца, которым верила с большим трудом. Ну какая из нее Клементина Гаварден! Та тонка, изящна, одни волосы чего стоят! А у нее, Эдны, ничего этого нет и в помине. Разве что глаза и брови... да, в них есть какое-то сходство. Эдна решила, что отец в чем-то прав, и перестала переживать относительно своего внешнего вида. К тому же одета она была всегда с иголочки. На платья и шляпки для дочки отец денег не жалел.

Так или иначе, женихи не спешили обивать пороги дома Эдны. Ей уже давно минуло двадцать, а она все оставалась одна, хотя отец вывозил дочь на балы, обучал музыке и посещал с ней концерты и театр. На одном из таких вечеров она и познакомилась с Чарльзом Эддингтоном. Статный офицер, в плечах сажень, выправка, орлиный взгляд и нос с горбинкой придавали ему столько мужества, что Эдна потеряла покой.

Было известно, что Чарльз вдовец, хорошо образован и по-военному строг и аккуратен во всем, что касается его личной жизни. Никаких сплетен и интриг, правильный образ жизни образцового вдовца. Он был старше Эдны на пятнадцать лет, и на момент их знакомства ему уже исполнилось сорок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.